

Лайош Секей: выдающийся психолог, человек Европы, строитель мостов и разрушитель стен

Мазилев Владимир Александрович

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Россия*

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Аннотация. В статье анализируются взгляды на творчество и творческое мышление известного психолога и психоаналитика Лайоша Секея (1904-1995). Прослеживаются основные вехи биографии этого неординарного ученого. Показано, что начинал свою исследовательскую деятельность Л. Секей как представитель школы гештальтпсихологии, разделяющий основные идеи этой научной школы. Сопоставляются работы, выполненные в разные годы, делается вывод об эволюции взглядов автора. Автором выполнены исследования творческого мышления во время творческой паузы, разделенные почти тридцатилетним промежутком (1940 и 1968 годы). Сопоставительный анализ позволяет зафиксировать изменения позиций. Особенно важно отметить органичное соединение идей гештальтпсихологии с положениями психоанализа и конструктивное использование идей Ж.Пиаже и Дж.Брунера. Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. Отметим, что творческая пауза – это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

Ключевые слова: интеграция, мышление, творческий мыслительный процесс, Л. Секей, психоанализ, сознание, бессознательное, репрезентация, творческая пауза.

Lajos Székely: eminent psychologist, person of Europe, bridge builder and wall destroyer

Mazilov Vladimir Aleksandrovich

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia

e-mail: v.mazilov@yspu.org

Abstract. The article analyzes views on creativity and creative thinking of the famous psychologist and psychoanalyst Lajos Székely (1904-1995). The key milestones of the biography of this extraordinary scientist are traced. It is shown that he began his research career as a representative of the school of Gestalt psychology, the fundamental ideas of which he decidedly supported. The comparative analyses of Lajos Székely's works published over different periods makes the evolution of his views evident. The author investigates Székely's studies on creative thinking during a creative pause which are separated by almost thirty years interval (1940 and 1968). The comparative analysis states the changes in Székely's position. It is particularly important to note organic combination of ideas of Gestalt psychology both with psychoanalysis and ideas of Piaget and J. Bruner. Székely was successful in developing a special method. It consists of the use of the traditional psychoanalytic procedures for the sake of the investigation of creative thinking and of the solving of problems that have life importance. It is worth stating that creative pause as a separate stage of thinking never can be "simulated" in the laboratory setting. This is the stage that really differentiates genuine practical thinking from its artificial laboratory models. In our view the evolution of the Gestalt concepts of thinking follows the way of spontaneous integration. This means it demonstrates the tendency to use complex descriptions involving borrowing, close "interaction", cooperation, and communication with other research approaches. This spontaneous integration makes a psychological conception go beyond the "framework" of the scientific school. This is inevitable because comprehension of the "psychological" given in all its entire and real complexity is ever in the conflict with the "narrow" theoretical settings. In our opinion, this is one of the ways of the development of psychological knowledge.

Keywords: integration, thinking, creative thinking process, L. Szekely, psychoanalysis, consciousness, unconscious, representation, creative pause.

Метафора стен и мостов в психологии в последние годы становится все популярнее. Это обстоятельство и побудило назвать публикацию именно так – строитель мостов и разрушитель стен. В психологии это действия символизирующие деятельность по установлению взаимопонимания, взаимодействия, направленные на интеграцию.

Среди психологов, которые многое сделали для интеграции в психологической науке, особое место занимает венгерский и скандинавский

психолог и психоаналитик Л. Секей. Про него с полным правом можно сказать: он строитель мостов и сокрушитель стен. По моему глубочайшему убеждению, фигура в мировой психологии явно и сильно недооцененная. Признание его заслуг – соразмерное содеянному – на мой взгляд, впереди. Пусть эта статья будет маленьким шагом в этом направлении.

Вся жизнь и деятельность Лайоша Секея, замечательного психолога и психоаналитика, прошла в бурном двадцатом столетии. Для психологии век действительно был бурным: вначале открытый кризис, раскол психологии, а затем мучительный и трудный поиск восстановления разорванных связей, разработка интегративных моделей. Мы хотим подчеркнуть, что научная биография Лайоша Секея шире узких рамок отдельных направлений. Не подлежит сомнению, что он начинал как яркий представитель гештальт-психологии – направления в психологии, которое в первой трети XX в. служило образцом научности. В тридцатые годы школа гештальт-психологии почти в полном составе переместилась в США. Секей в силу обстоятельств остался в Европе, и хотя его ранние работы несомненно относились к этому направлению, в исследованиях по истории гештальтпсихологии его чаще всего не причисляют к этому направлению. В скандинавский период жизни Секей активно занимался психоанализом, что нашло отражение в соответствующей литературе [11]. К сожалению, дело представляется так, будто Секей был лишь представителем психоанализа в Скандинавии, способствовал его популяризации и распространению в этом регионе Европы. По нашему мнению, это не вполне так: Секей был прежде всего психологом-новатором, внесшим существенный вклад в исследование механизмов творческого мышления благодаря синтезу научных идей и комплексу различных методов, взятых из разных исследовательских подходов (психоанализа, в частности).

На наш взгляд, оценка Секея лишь как распространителя психоанализа принципиально не справедлива, поскольку этот психолог с удивительной судьбой оказался «между» двух направлений, в результате остался незамеченным и не оцененным его уникальный вклад в мировую психологию, поскольку Лайошу Секею удалось – как никому другому – соединить в своих работах достижения и наработки различных направлений мировой психологии XX столетия. Поэтому, когда мы говорим, что Секей – психолог XX века, хотим тем самым подчеркнуть, что его научная деятельность была направлена на преодоление главного препятствия в психологической науке в прошедшем столетии – разобщенности научно-психологических поисков, преодолению узких и одномерных подходов и, как результат, выработке новаторских интеграционных стратегий.

Итак, Лайош Секей (20 октября 1904 – 28 июня 1995), венгерский психолог. Получил биологическое образование, ученая степень присвоена в 1930 году. В 1930 г. вынужден был покинуть Венгрию. Как отмечает М.В.Волкова, Секей встретился с Ференци и стремительно погрузился в психоанализ. После 1932 г. переехал в Нидерланды. Знакомство с Ф. Перлзом привело к тому, что Л.С. окончательно переориентировался с биологии на психоанализ. Интересно, что Секей работал «в нескольких самых знаменитых психологических и психиатрических институтах Европы: во Франкфурте-на-Майне у Макса Вертгеймера, в Гейдельберге – у Груле, в Амстердаме – у Гезы Ревеша и в Ленинграде в научном институте им. В.М.Бехтерева» [11, С. 562]. Заслуживает внимания пребывание Л.Секея в СССР: в 1936 г. Секей с женой приезжают в Москву. В первый же день происходит личное знакомство с А.Р. Лурией, с которым ранее переписывались, приглашение к нему на обед. «Всемирно известный профессор жил в крошечной двухкомнатной квартире». Далее – работа в Бехтеревском институте. Рождение дочери. Чувство счастья, поездка в Крым. И – ощущение политики Сталина, репрессии. В ноябре 1938 г. они отбывают на поезде в Хельсинки. Начав серию экспериментов по психологии мышления в Хельсинкском университете, Лайош Секей становится ассистентом Д. Каца (Стокгольмский университет) (1944-1945). А также членом шведской психоаналитической ассоциации. Жена Л.С., Edith Székely, урожденная Sussmanowitz (1909-2012), известный психоаналитик (Волкова, 2014). «В ранних своих публикациях Шекели (Секей – В.М.) исследовал творческие процессы главным образом в рамках гештальттеории, но и в тех экспериментальных исследованиях уже проявлялся его зарождающийся интерес к психоанализу» [11, С. 567].

Остановимся несколько подробнее на гештальтпсихологии, так как свои первые исследования творческого мышления Секей проводил в русле гештальтпсихологии. Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 году. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии в первой половине XX века, гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» [15, С. 81]. М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. и выдвинувшее программу

изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В.Вундт, Э. Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» [16, С. 44]. Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке.

Фактически мышление явилось стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) в этой научной школе практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление, выступавшее в качестве высшего проявления человеческого сознания, не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии и гештальт-психологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы представлять дело так, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись бы всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (Макс Вертгеймер, Курт Коффка, Вольфганг Келер, Норман Майер, Лайош Секей и др.) [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 27; 28] зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет от необходимости изложения концепций гештальтистов. Представляется особенно интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции взглядов на мышление в этой научной школе.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу исследования попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в

формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь, Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтистской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «соревновался» с исследованиями гештальтистов [9; 10].

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции школы (в первую очередь В.Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления о мышлении. В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от признания действия факторов «более высокого порядка» для объяснения избирательного и направленного характера мышления.
3. Мышление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).

4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа постепенность решения задачи через пробы и ошибки).

5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).

6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).

7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).

8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания).

9. «Нерефлексивность» мышления – мышление принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, согласно исходным представлениям гештальтпсихологов, мышление рассматривалось исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мышлении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно видеть три этапа:

I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Кофки, В. Келера и др., выполненные в 20-х гг.).

II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 30-40-е гг.).

III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 50-70-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Если первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное

освещение, то третий практически отражения не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальным установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обусловившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи).

Уже в работах К. Дункера [19] содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера [28], В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» [1, С. 11], «Вергеймер существенно трансформировал исходные понятия гештальтпсихологии» [1, С. 22], использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» [1, С. 23].

Таким образом, работы второго этапа развития гештальттеории мышления сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, – возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала [25, Р. 79]. Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером [19]. Это следует специально подчеркнуть, т.к. представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают

принадлежащим этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели – «что мне нужно, чтобы достичь?» или как анализ ситуации – «что нужно изменить в данном?»), в решении (или нерешении) задачи.

Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна в протекании не каждого мыслительного процесса. Хотя нельзя не отметить и появления новых мотивов. В частности, появляется интерес к неосознаваемым компонентам мышления. Со времен Пуанкаре было известно, что «большое» творческое мышление имеет бессознательные фазы. Секей – в чем его несомненная заслуга – ставит вопрос применительно к мышлению, связанному с решением «практических» проблем. Секей ставит центральный вопрос: к какой области душевного аппарата принадлежит это переструктурирование мыслительного материала, приводящее к решению задачи? Многие указывают на то, что это тесно связано с бессознательным. Цель исследования, предпринятого Л. Секеем, «проследить ускользающее от восприятия и самоконтроля возникновение созидательной идеи и несколько прояснить ее структуру» [25, Р. 79]. Испытуемые получали «практическое задание», для решения которого не нужны были специальные знания. Использовалась задача «на равновесие». Испытуемый садился за стол, на котором находились: трехгранная призма; деревянная планка; латунный кружок, который подходит к планке, но его отверстие так узко, что он не может по ней скользить; наполовину заполненный спичками коробок; огарок свечи; маленький игрушечный мышонок и маленькая игрушечная кошка из фетра; семь пар цилиндров различной тяжести. Планку на ее концах нужно загрузить какими-нибудь из имеющихся предметов и установить в положении равновесия на тупом конце призмы. Планка должна быть положена поперек ребра, а не параллельно ему. Задание состоит в следующем: «сделать так, чтобы планка оставалась лежать на призме только примерно две-три минуты, а после истечения этого промежутка времени сама опрокидывалась. «Сама опрокидывалась» означает, что расположения предметов, однажды уже приведенных в равновесие, нельзя касаться ни прямо, ни косвенно: сооружению предоставляется полная самостоятельность, и оно должно

совершенно спонтанно опрокинуться через некоторое время» [25, Р. 83]. Правильное решение задачи состоит в том, что планка должна быть уравновешена так, чтобы с одной стороны находился зажженный огарок свечи – потеря веса в результате горения приведет с течением времени к необходимому нарушению равновесия. Задача представляет известную трудность для испытуемых. Анализируя ход решения задачи, Секей отмечает, что в протоколах экспериментов у некоторых испытуемых отмечалось «состояние бесплановых действий, рассеянности, разбросанности, из которого и возникало готовое решение» [25, Р. 83].

Согласно Секею, только небольшая часть процесса мышления протекает в вербальной форме, наибольшая же связана с моторным или сенсомоторным кодами. По Секею, мышление имеет выраженный фазный характер: «Процесс мышления можно представить себе как непрерывный переход от вопроса к ответу, затем осуществление на практике, критика, новый вопрос, ответ и т.д.» [25, Р. 83]. В этой работе Секей вводит широко известное понятие о «латентных свойствах». Представляется полезным напомнить о трактовке, которой придерживается сам автор: он говорит о свойствах не предмета, а представления о нем. «Мы хотим так выразить это положение: потеря веса при горении – свойство свечи, которое не используется для организации ее структуры в нашем сознании. Поэтому это объективно существующее свойство может быть названо латентной чертой мысленного образа свечи» [25, Р. 89]. Испытуемый сообщает: «сначала я манипулировал со свечой как твердым телом». До этого он манипулировал с целым рядом твердых предметов. Когда очередь дошла до свечи, латентное свойство свечи вдруг выдвигалось на передний план, а качества раньше значительные отодвигались «на второй план». Если трудность основана на том обстоятельстве, что необходимое свойство трудно найти в твердых телах, то задача должна решаться гораздо легче, если среди предметов будут легко испаряющиеся, летучие вещества. Чтобы проверить это, вводили вариацию опыта: к семи предметам добавляли восьмой – маленькую бутылочку с эфиром или бензином. Опыты однозначно подтверждают предположение: даже «слаборазвитые паралитики» легко решают задачу в этом случае [25, Р. 89]. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» [25, Р. 87]. «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимости от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из

которых только немногие известны сейчас» [25, Р. 88]. Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования <...> принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» [25, Р. 94]. Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем, чисто вспомогательное значение, но, как мы увидим, это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепции ученого.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальтпсихологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;

- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);

- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;

- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);

- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (40-е – начало 50-х гг.) происходит разработка проблем, поставленных в первых экспериментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т.п. Это исследования, соответствующие второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (50-е – 70-е гг.) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции

гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом сохраняется традиционная проблематика гештальтпсихологии. Ставится задача объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) [26], посвященная выяснению центрального момента в творческом мышлении – зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически, эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 года. Эти исследования разделяет почти тридцать лет. Каковы основные отличия в понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

Обратимся к второй работе Секея [26]. Секею удалось разработать особый метод. Это использование традиционных психоаналитических процедур для исследования мышления, решения творческой задачи, имеющей практическое значение. «Во время изучения одного очень одаренного технолога представился редкий случай проследить интимные подробности мыслительной работы при решении конструкторской задачи. Его мышление иногда теряло самостоятельность и втягивалось в сферу невротического конфликта. Анализ такого конфликта привел к тому, что мыслительный процесс опять восстановился и продвинулся вперед» [26, Р. 140]. Свою позицию Секей фиксирует как позицию «когнитивной психологии», противопоставляя ее «психологии факторов».

Он отмечает два основания «когнитивной психологии»: 1) временную характеристику – мыслительные процессы являются изменениями во времени. Это время может быть измерено минутами, часами, днями, неделями, месяцами или годами. В лаборатории поиск решения задачи длится минуты или часы. В «свободной природе» для этого нужно, как правило, более длительное время: от первого изумления до завершения теории относительности Эйнштейн размышлял более двадцати лет; 2) предпосылку внутренней репрезентации. Репрезентация, согласно Секею, есть некая гипотетическая структура, с помощью которой человеческое существо организует свой опыт для будущего употребления (или злоупотребления). Что касается второго основания, то здесь заметно влияние исследований Ж. Пиаже и Дж. Брунера. Пристальное внимание к исследованию организации структур опыта – то новое, чего явно не хватало в работе 1940 г.

Секей подчеркивает, что протекание изобретающего мышления, которое происходит «в жизни» нельзя наблюдать непосредственно, т.к. оно может длиться, как правило? дни, недели, месяцы. При детальном анализе хода

решения задачи полезно различать: 1) содержание мышления; 2) этапы (фазы) мышления; 3) механизмы мышления; 4) уровни организации мышления. Под содержанием мышления Секей понимает не только то, что представляет «конечный продукт мышления», готовую мысль, но и мыслительное содержание, которое возникает по ходу развития мышления, возможно, впоследствии отвергается и в конечном продукте больше не заметно. Секей также различает первичные и вторичные элементы содержания: первичными являются слова, зрительные образы, двигательные образы, кинестетические элементы, которые включаются в мыслительный процесс, вторичными – классы и отношения. Под фазами или этапами мышления Секей понимает перерывы в процессе мышления, как они были подробно описаны Дункером. Каждый период представляет (по отношению к предыдущему) преобразование, трансформацию и уточнение решения задачи, по отношению же к последующему – уточнение постановки проблемы. В механизмах мышления Секей различает манипуляции и операции: манипуляции – это мыслительные действия, которые выполняются на реальных предметах, а операции представляют собой интериоризированные манипуляции, которые производятся не с реальными предметами, а с символами, понятиями, логическими отношениями. Понятие уровня организации относится к таким свойствам протекания мышления как толерантность-нетолерантность к противоречиям, толерантность-нетолерантность к нереалистическим представлениям и предположениям.

Содержание мышления (как и само протекание мышления) могут быть как сознательными, так и неосознанными. Центральным понятием в этой работе является «творческая пауза»: центральный и наиболее загадочный этап мышления. «Выражением творческая пауза мы можем обозначить интервал времени, который начинается, когда размышляющий прерывает свое занятие с нерешенной проблемой, и заканчивается, когда внезапно и неожиданно возникает решение проблемы или идея. В сознании творческая пауза заполняется активностью, не связанной с проблемой. Длительность творческой паузы может сильно варьировать. При продуцировании остроумия, к примеру, она составляет только несколько секунд или даже только доли секунды, так что факт творческой паузы совсем не замечается. В других случаях творческая пауза может длиться часы, дни, недели и годы» [26, Р. 145].

Отметим, что творческая пауза это тот этап мышления, который практически невозможно «смоделировать» в лаборатории. Это тот этап, который отличает подлинно жизненное практическое мышление от его лабораторных искусственных моделей. Предварительная гипотеза,

формулируемая Секеем: во время творческой паузы мобилизуется как имеющийся у субъекта по различным поводам опыт, так и основанные на нем выводы, они интегрируются, «принимаются во внимание» в общем поле [26, Р. 149]. Процесс мышления во время творческой паузы протекает на другом уровне организации, чем сознательный процесс до и после творческой паузы. «Во время творческой паузы учет каузального строения действительности незначителен, а иногда совсем отсутствует. Это мышление фантазирующее. Можно играть с идеей, устанавливая нереалистические, недействительные, неправдоподобные связи, и тогда возникают самые рискованные аналогии. Те аспекты, которые находятся в центре внимания реалистического мышления, могут быть забыты, а другие, которые образуются едва замечаемым фоном, могут быть приняты во внимание и получить четкое освещение» [26, Р. 149-150]. Размышляющий, согласно Секею, совсем не осознает этого. Он не знает о том, что он, сознательно занимаясь чем-нибудь другим, удерживается как-то на своей проблеме. Так как каузальное строение той части действительности, которой занимается размышляющий, никогда не может быть полностью известным, то строгие ограничения конвенционального мышления не способствуют решению некоторых задач. Играющее мышление во время так называемой творческой паузы имеет шанс охватить те связи, которые могут быть применены для решения проблемы.

Для понимания подхода Секея на этом этапе важно понятие «репрезентативный мир». Остановимся на нем несколько подробнее. Секей пишет, что под выражением «репрезентативный мир» следует понимать такие гипотетические структуры, которые организуются и строятся в раннем детстве. Эти структуры организуются из впечатлений. Впечатления происходят, с одной стороны, из действительности внешнего мира, с другой стороны, возникают через ощущения из глубин собственного тела или из самого психического аппарата, как, например, радость, удовлетворение, желание, напряженность потребностей и т.д.

Чрезвычайно интересны рассуждения Секея о рождении репрезентации: «В первые годы жизни автономия Я-функции еще рудиментарна. Построение репрезентативного мира происходит при господстве инстинктов и объективных отношений. Каким образом руководимый инстинктивными желаниями ребенок обогащает свои знания об обстоятельствах внешнего мира, как он экспериментирует, наблюдает, делает открытия и выводы из информации, приобретенной по необходимости, все это оставляет следы в структуре репрезентативного мира. Проблема, как в потоке разнообразных впечатлений вырабатываются «сходство» и «различие», приковывала интересы мыслителей

от Аристотеля до Фрейда и Пиаже» [26, 1976, s.154]. «В наброске 1895 г. Фрейд выдвинул гипотезу, что для понимания перцептивного комплекса необходим соматический опыт, особенно кинестетические и моторные образы памяти. В одной из своих работ я продолжил эту линию мысли (Секей, 1952) и подкрепил наблюдениями за детьми. Я ссылаясь на то, что двухлетний ребенок, видя в первый раз дефекацию у птицы, уже может понять, что делает птица. Это основывается не на том, что ребенок открывает сходство между теперешним, зрительным восприятием и каким-либо более ранним визуальным опытом, или образами памяти. Дефекация знакома ребенку исключительно как приятное или неприятное телесное явление, о котором он имеет только кинестетические образы памяти. Актуальный визуальный опыт организуется под влиянием инстинктивных интересов и следов памяти телесного опыта» [26, Р. 154].

Секей отмечает, что психическая организация мира опыта, главным образом, поиски сходства и различия, протекает у маленьких детей по другим организационным принципам, чем у старших детей. Секей указывает, что различия первичных и вторичных процессов недостаточно, необходимо описать также сенсорные модальности и их доминирование. «Характеристика того, чего могут достигнуть зрительные ощущения, есть то, что они обеспечивают существование константных, идентифицируемых предметов» [26, Р. 155].

Когда маленький ребенок начинает характеризовать внешний мир, зрительные ощущения еще не доминируют. Впечатления, которые идут из глубины организма или с поверхности тела, играют основную роль при организации репрезентаций. Когда развитие прогрессирует, кинестетическая часть все более и более отделяется от визуальной и подавляется. Принципиально важно, что «при некоторых фазах творческого процесса такие первоначальные репрезентации возобновляются снова. К этому привлекается соматическая часть репрезентаций, которая принимает важное участие, когда мышление покидает наезженный путь и перерастает конвенциональные границы. Критическое мышление может тогда замечать через обострившийся анализ оригинальное сходство, скрытые аналогии и приходить к поразительному синтезу. В дальнейшем этот гипотетический репрезентативный мир может быть понят через его функции. (...) Первая-то, что объект репрезентируется, т.е. мы пользуемся внутренними репрезентациями вместо объекта. Вторая функция репрезентативного мира в том, что он может служить «путеводителем» [26, Р. 155].

Мы знаем, согласно Секею, (или только полагаем, что знаем), что мы можем ожидать от объектов, как они будут вести себя в среднем

прогнозируемом мире. По Секею, «некоторые виды ожиданий принадлежат к старейшим функциям душевной жизни. Уже ребенок в возрасте нескольких недель прекращает кричать, когда его поднимает мать. Он ждет: кормление, исчезновение неприятного голода, приятное чувство насыщения. Оптический и тактильный образ матери недифференцированно сливается с впечатлением собственного самочувствия и удовлетворения. Такие архаические или изначальные ожидания возникают задолго до организации собственно репрезентативного мира. Вероятно, дело выглядит так, что архаические ожидания являются первыми зачатками организации, вокруг которых и, исходя из которых постепенно строится репрезентативный мир. Отсюда ясно, что ожидания являются стабильнейшими, наиболее стойкими элементами структуры репрезентативного мира» [26, Р. 156].

Секей приводит многочисленные данные, свидетельствующие о том, что такого рода ожидания являются препятствием при разрушении органических основ функционирования психического. Больные агнозической афазией не могут назвать предметы, но могут сказать, для чего они служат и как могут быть применены, пациенты с агнозиями, которые не узнают предметов, могут на время опознать объекты в системе действия, когда намереваются сделать что-то определенное.

Секей в своей работе приводит уникальный материал, представляющий аналитическое толкование процессов, происходивших у господина Тэта. Господин Тэта, талантливый инженер-конструктор, который решал «кристаллографическую проблему», связанную с разработкой метода шлифовки кристаллов алмазов для изготовления точных измерительных инструментов, и одновременно проходил психоанализ у Секея. Автор работы сам характеризует метод своей работы: «Это редкое счастье, когда исследователю удастся выяснить тот мыслительный процесс, который происходит во время творческой паузы, и к концу творческой паузы делает возможным решение проблемы. Мне повезло. Возможность этого дали сны, которые Тэта видел во время этого периода. Многие элементы проблемы выступали в содержании сна. Желание решить проблему проявлялось как в сознании, так и в инфантильных аспектах бессознательных мыслей во сне. Аналитическое толкование выделило конец творческой паузы. Его реакцией на некоторые толкования было не всплывание вытесненных детских воспоминаний, а то, что он решил свою проблему, продвинулся вперед» [26, Р. 156-157].

На протяжении шести недель наблюдалась работа над решением кристаллографической проблемы. Технолог «господин Тэта» пользовался

психоаналитическим лечением и автору еженедельно четыре раза предоставлялся случай проследить ход мыслительной работы. Некоторые поворотные пункты в продвижении мышления произошли на аналитической кушетке в связи с толкованиями. Это обстоятельство дало возможность реконструировать предсознательные мыслительные процессы и участие бессознательных конфликтов. Реконструкции хода мышления почти без пробелов способствовало то обстоятельство, что технолог много спонтанно говорил о своей работе, о своих идеях, планах, поисках и неудачах. Это исключение, отмечает Секей, что ученый или техник при анализе заводит такой обстоятельный разговор о своей работе.

Аналитик толковал как «непатогенные» желания, связанные с настойчивым стремлением достичь решения «кристаллографической проблемы», так и инфантильные патогенные конфликты. Они были анално-садистской природы и были направлены против матери. Мыслительная работа оказалась втянута в сферу этого конфликта. Психоаналитическая проработка конфликта привела к тому, что мышление освободилось от рамок патогенного конфликта и смогло двигаться дальше. Секей резюмирует: «Решение задачи представляет собой ряд шагов. Каждый шаг имел двойкий характер: своему предшественнику он предоставлял разрешение проблемы, но своему преемнику он проблему ставил. Весь процесс мышления может быть описан как постепенное преобразование и уточнение проблемы и решения. Каждая постановка проблемы приводит в действие избирательную поисковую активность, направленную на отыскание способов решения в репрезентативном мире. Это может протекать одновременно или по очереди на различных уровнях организации мышления. Во время сознательного и активного занятия с проблемой зона поиска, откуда изыскивается способ решения, определяется преимущественно через знания о каузальном строении действительности. Во время паузы учет рациональных возможностей в большей или меньшей степени отступает на задний план. Зона поиска меняется на инфантильную область репрезентативного мира, привлекаются подсказывающие метафоры. Для решения многих проблем мобилизация детских представлений является необходимостью, но это должно пройти через зрелые механизмы мышления» [26, Р. 167].

Эти работы Секея показательны во многих отношениях. Стоит обратить внимание на то, гештальтпсихология в лице Л. Секея проделала большой путь. Подчеркнем, что сам Секей предпочитает характеризовать свой подход как когнитивный. Вероятно, это справедливо. Результатом стало соединение «научности» и «жизненности»: представляется, что Секей в значительной

степени разработал психологию, которая соединяет науку и жизнь – в этом смысле, несомненно, является продолжением традиции, заложенной в ранних работах М. Вертгеймера. Показательно, что изучается не лабораторная модель, а сама жизнь, то мышление, которое существует в реальной жизни и направлено на решение конкретной проблемы. То, что это проблема техническая, подчеркивает практический, конкретный характер мышления. Это, по-видимому, практическое мышление. То, что это проблема творческая, подчеркивает продуктивный характер мышления. Здесь мы имеем дело с подлинным, настоящим созидающим мышлением. Наконец, мы видим, что мышление действительно «интимно-личностный» процесс, включающий в себя не только рациональный опыт.

Другой важной особенностью работ Секея является то, что для достижения жизненности автор использует комплексный, интегративный подход: как мы видели, активно «применяются», с одной стороны, разработки Пиаже и Брунера, связанные с понятиями «репрезентации» и «операций», с другой, психоаналитические исследования. Это чрезвычайно конструктивный подход. И, представляется, что он выражает «магистральную тенденцию» в современных исследованиях мышления. Система остается принципиально «открытой». В данном контексте уместно заметить, что сам Секей подчеркивает намеренное использование «размытого» понятийного аппарата: «Понятийный аппарат намеренно нечеткий. Например, остается открытым вопрос, как подчинить друг другу понятия «скрытая аналогия», «противоположное применение», фазы мышления, шаги мышления. По мнению автора, наблюдение и описание отдельных процессов мышления должно предшествовать уточнению терминов» [26, Р. 167].

Важно, что в работе Секея, фактически, осуществляется идеал «романтической науки», предполагающий конструктивное взаимодействие номотетического и идиографического подходов (см. подробнее [2; 3]).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Собственный экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о

тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодействие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами [4; 5]. Эта стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, т.к. постижение психического во всей реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания [6; 7; 8].

Список литературы:

1. Зинченко В.П. Вступительная статья // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 5-26.
2. Мазилев В.А. Психология практического педагогического мышления как романтическая наука // Психология педагогического мышления: теория и практика / Сб. статей. М.: ИП РАН, 1998. С. 66-81.
3. Мазилев В.А. Проблема мышления в гештальтпсихологии // Познавательные процессы: теория, эксперимент, практика. Ярославль: ЯрГУ, 1990. С. 66-75.
4. Мазилев В.А. Методология современной отечественной психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 3. С. 9-24.
5. Мазилев В.А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 1. С. 61-85.
6. Мазилев В.А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 2. С. 3-21.
7. Мазилев В.А. О предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 55-72.
8. Мазилев В.А. Научная психология: проблема объяснения // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 58-73.
9. Мазилев В.А. Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии. Вып. 1 (3). 2005. С. 38-40.
10. Мазилев В.А. Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. Вып. 1 (9). 2005

11. Мур Н. Психоанализ в Скандинавии // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. М., 2001. С. 558-585.
12. Секей Л. Знание и мышление // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 343-365.
13. Секей Л. Продуктивные процессы в обучении и мышлении // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 366-386.
14. Секей Л. К проблеме доступности решения задач и магическое тестирование // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965 С. 387-396.
15. Фресс П. Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып.1, 2. М.: Прогресс, 1966. С. 15-98.
16. Ярошевский М.Г. Гештальтпсихология // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М.: Per Se, 2005. С. 44.
17. Bartlett F.C. Thinking: An experimental and social Study. London: Allen and Unwin, 1958. 203 p.
18. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.:Wiley, 1965. 378 p.
19. Duncker , K. On Problem-Solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58. № 5. P. 1–113.
20. Koffka K. Principles of Gestalt-psychology. N.Y.: HarcourtBrace & Co, 1935. 720 p.
21. Köhler W. Gestalt-psychology today // American psychologist. 1959. Vol. 14. № 12. P. 727-734.
22. Köhler W. Psychologie de la forme. P.: Gallimard, 1964. 375 p.
23. Radford J., Burton A. Thinking: it's Nature and Development. L.: Wiley, 1974. 440 p.
24. Schulz D.P. A History of modern Psychology. N.Y., London: Acad. Press, 1969. XVII, 346 p.
25. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls. // Acta Psychologica. 1940. Vol. 5. № 1. P. 79-96.
26. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beitrage. Bern u. a.: Hüber, 1976. P. 140-170.
27. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Uber das Kreative Denken // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. 358 s.

28. Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945). 302 p.

References:

1. Zinchenko V.P. Vstupitel'naja stat'ja // Vertgejmer M. Produktivnoe myshlenie. M., 1987. S. 5–26.
2. Mazilov V.A. Psihologija prakticheskogo pedagogicheskogo myshlenija kak romanticheskaja nauka // Psihologija pedagogicheskogo myshlenija: teorija i praktika / Sb. statej. M.: IP RAN, 1998. S. 66-81.
3. Mazilov V.A. Problema myshlenija v geshtal'tpsihologii // Poznavatel'nye processy: teorija, jeksperiment, praktika. Jaroslavl': JarGU, 1990. S. 66-75.
4. Mazilov V.A. Metodologija sovremennoj otechestvennoj psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2008. T. 3. № 3. S. 9-24.
5. Mazilov V. A. Stanovlenie metoda psihologii: stranicy istorii (metod introspekcii) // Metodologija i istorija psihologii. 2007. T. 2. № 1. S. 61-85.
6. Mazilov V.A. Metodologija psihologicheskoy nauki: problemy i perspektivy // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2007. T. 4. № 2. S. 3-21.
7. Mazilov V.A. O predmete psihologii // Metodologija i istorija psihologii. 2006. T. 1. № 1. S. 55-72.
8. Mazilov V.A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija // Metodologija i istorija psihologii. 2008. T. 3. № 1. S. 58-73.
9. Mazilov V.A. Celostnost' i integracija v psihologii (Nekotorye metodologicheskie problemy psihologicheskogo issledovanija) // Vestnik integrativnoj psihologii. Vyp. 1 (3). 2005. S. 38–40.
10. Mazilov V.A. Integrativnye tendencii v psihologii: geshtal'tpsihologija i problema celostnosti // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog. Vyp. 1 (9). 2005
11. Mur N. Psihoanaliz v Skandinavii // Jenciklopedija glubinnoj psihologii. T. 2. M., 2001. S. 558-585.
12. Sekej L. Znanie i myshlenie // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965. S. 343-365.
13. Sekej L. Produktivnye processy v obuchenii i myshlenii // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965. S. 366-386.
14. Sekej L. K probleme dostupnosti reshenija zadach i magicheskoe testirovanie // Psihologija myshlenija. M.: Progress, 1965 S. 387-396.
15. Fress P. Razvitie jeksperimental'noj psihologii // Jeksperimental'naja psihologija / Red. P. Fress, Zh. Piazhe. Vyp.1, 2. M.: Progress, 1966,. S. 15–98.
16. Jaroshevskij M.G. Geshtal'tpsihologija // Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' v shesti tomah: Obshhaja psihologija. M.: Per Se, 2005. S. 44.
17. Bartlett F.C. Thinking: An experimental and social Study. London: Allen and Unwin, 1958. 203 p.
18. Berline D.E. Structure and Direction in Thinking. N.Y.:Wiley, 1965. 378 p.

19. Duncker , К. On Problem-Solving // Psychological Monographs. 1945. Vol. 58. № 5. R. 1–113.
20. Koffka К. Principles of Gestalt-psychology. N.Y.: HarcourtBrace & Co, 1935. 720 p.
21. Köhler W. Gestalt-psychology today // American psychologist. 1959. Vol. 14. № 12. P. 727-734.
22. Köhler W. Psychologie de la forme. P.: Gallimard, 1964. 375 p.
23. Radford J., Burton A. Thinking: it's Nature and Development. L.: Wiley, 1974. 440 p.
24. Schulz D.P. A History of modern Psychology. N.Y., London: Acad. Press, 1969. XVII, 346 p.
25. Szekely L. Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls. // Acta Psychologica. 1940. Vol. 5. № 1. P. 79-96.
26. Szekely L. Die Schöpferische Pause // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken: Beitrage. Bern u. a.: Hüber, 1976. P. 140-170.
27. Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen Über das Kreative Denken // Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. 358 s.
28. Wertheimer M. Productive Thinking. Enl.ed. (First Ed., 1945) L.: Ass. Book Publ., 1966. (First Ed., 1945). 302 p.

Сведения об авторе:

Мазилев Владимир Александрович, доктор психологических наук, профессор, вице-президент и действительный член Международной Академии Психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Россия)